

Глава 63. Нападение и защита

- Сначала отошли пса. Он только что оправился от болезни, держись от него на расстоянии! - Он подошел к столу и заметил, что Санью слепо следует за ним, прижимая Эр'Бао к груди. Ему было очень неприятно, поэтому Император Чжоу'Ву тихо отдал приказ.

- Понятно. - Она отдала Эр'Бао няне Фэн. Этот человек явно испытывал неприязнь к Эр'Бао, но Мэн Санью не чувствовала в этом ничего странного.

Император всегда ненавидел животных. Это известно всем во дворце. - Мэн Санью действительно была очень тронута тем, что он искал Эр'Бао и даже лично привез его во дворец Сининг. Казалось, этот человек все еще был в какой-то степени искренен по отношению к ней, но она совсем не чувствовала себя счастливой. Напротив, она хладнокровно начала прикидывать, как бы ей использовать его искренние чувства в своих интересах. Любые романтические чувства с ее стороны сошли на нет еще в ее прошлой жизни.

Увидев, что руки Санью, наконец, опустели, раздражение Императора Чжоу'Ву немного отступило. Он взял свою императорскую кисть и быстро написал пять иероглифов бегущим шрифтом: [Эр'Бао дворца Би'Сяо] и приложил свою личную печать.

Иероглифы, в которых чувствовался, присущий только императору, властный дух, ярко проступили на бумаге.

Какой сильный почерк! А с добавлением императорской печати, если вынести это за пределы дворца, то предмет считался бы бесценным сокровищем! И все же он будет использоваться как простой жетон... Шуфэй действительно эксплуатирует часть небесной работы! - Чан Си молча выразил свое разочарование, дую на мокрые чернила.

- Каллиграфические навыки Вашего Величества снова улучшились! - Восхищенно вздохнула Мэн Санью. Она взяла надпись, чтобы получше ее рассмотреть.

- Откуда ты знаешь, что каллиграфия Чжень улучшилась? - Император Чжоу'Ву крепко обнял ее и шутливо ущипнул за нос, ожидая, как она отреагирует.

Санью постепенно ослабляла свою защиту. Иногда она даже совершала ошибки. Это чрезвычайно забавно.

- А... Основываясь на интуиции. Почерк Вашего Величества стал более плавным по сравнению с прошлым разом! - Глаза Мэн Санью на мгновение блеснули, но выражение ее лица свидетельствовало о полном невежестве. Этот милый и наивный взгляд заставил мужчину влюбиться еще сильнее.

- Ха-ха, в прошлый раз Чжень писал обычным почерком. Мазки были четкими, а композиция

сбалансированной. На этот раз Чжень писал беглым почерком. Штрихи связаны друг с другом, безудержны и элегантны. Конечно, это выглядит более плавно. – Император Чжоу’Ву широко улыбнулся и ущипнул Санью за щеку. Он подумал:

Какая умная маленькая шалунья! Подумать только, что ты додумалась до такой причины!

Мэн Санью презрительно улыбнулась, задумчиво отвела глаза и сменила тему:

– Ваше Величество, эта наложница закончила делать саше с духами, о которой Вы просили в прошлый раз. Не хотите взглянуть? – Она подошла к дивану и достала два саше из стоящего на узком столике футляра для рукоделия. Одно было больше, а другое меньше, но оба имели форму рога изобилия. От ткани исходил слабый аромат цветущей сливы, освежая разум.

Глаза Императора Чжоу’Ву загорелись, он взял протянутый пакетик и поднес к носу, чтобы понюхать. Его лицо расплылось в довольной улыбке.

– Помоги мне его одеть.

Мэн Санью кивнула и опустила голову, чтобы привязать саше к его поясу. Ее белая шея, которая была слегка обнажена, выглядела очень сладкой и восхитительной, а дрожащие ресницы завивались, заставляя сердце зудеть от желания. Глаза Императора Чжоу’Ву потемнели, а кадык заскользил вверх-вниз. Наконец он не выдержал, протянул руки, обнял ее и лег на диван.

– Чжень поможет тебе завязать. – Прошептал он глухим голосом, взял другой пакетик поменьше, крепко обвязал его вокруг талии женщины и, закрыв губами ароматный маленький ротик женщины, крепко поцеловал ее.

– Ваше Величество, сейчас еще день, а это дворец Сининг! – Она заметила, что дыхание мужчины стало тяжелее, движения похотливее, а нижняя часть его тела напряглась и, пульсируя, прижалась к ее ногам. Мэн Санью пришла в себя и тут же мягко напомнила. Она приподнялась, чтобы оглядеться, но Чан Си уже давно разогнал слуг.

– Завтра ты вернешься во дворец Би’Сяо! – Глаза мужчины покраснели, он прижал ее к себе и приказал хриплым, до неузнаваемости, голосом.

Что дает тебе право по прихоти менять свое мнение? – Подавляя свою похоть, Мэн Санью вдруг подумала об обратной психологии. – Как и ожидалось, сладкие слова и нежная забота этого человека должны были заложить окончательную основу для получения моего тела!

Она тихо выругалась про себя, но на ее лице появилось чарующее выражение. Она потянула мужчину за лацкан и кокетливо сказала:

- Но эта наложница все еще не закончила изучать так много вещей, эта наложница боится управлять таким большим Внутренним Дворцом. Ваше Величество, не могли бы Вы дать этой наложнице отсрочку на несколько дней?

Глаза Императора Чжоу'Ву мгновенно потемнели, он глубоко вздохнул, сел прямо, обнял женщину, посадил к себе на колени и стал приводить в порядок ее грязную одежду, небрежно говоря:

- Твой отец обезглавил сто тысяч военнопленных на границе. Пролитая кровь окрасила все белые луга в красный цвет. Вонючий запах крови привлек стервятников с плато за тысячи миль, и они задержались там, как темная туча. Сегодня Чжень получил много мемориалов, объявляющих ему импичмент.

Мэн Санью посмотрела прямо на него, ее руки сжались в кулаки.

- Многие министры протестовали против его бессердечия, несправедливости и чрезмерной жестокости, считая его непригодным для ношения печати Генерала. Если мы их не подавим, Чжень опасается, что когда-нибудь это приведет к восстанию. Что ты на это скажешь? - Император Чжоу'Ву теребил ее бледные и тонкие пальцы, делая вид, что небрежно спрашивает.

Услышав слова: «приведет к восстанию», сердце Мэн Санью сжалось в груди, а колеса в ее мозгу начали вращаться.

- Как может эта наложница осмелиться комментировать государственные дела и политику? - Испытующе спросила она.

- Ты дочь Князя Оборона Мэн. Чжень хочет услышать твою точку зрения. Все в порядке, нас здесь только двое. Ты можешь говорить свободно, Чжень, конечно же, не накажет тебя! - Император Чжоу'Ву поцеловал кончики ее пальцев и снисходительно улыбнулся.

Этот человек всегда держал свое слово. - Получив гарантию, Мэн Санью сосредоточилась и неторопливо заговорила:

- Эта наложница осмеливается спросить Ваше Величество, если бы эти сто тысяч военнопленных не были убиты, нашелся бы у Вас надежный способ разместить их? Станут ли они рабами? Будет ли им выделен участок земли для обработки? Или Вы позволите им смешаться с народом Великого Чжоу, используя благожелательность и праведность, что бы ассимилировать их?

Увидев нахмуренные брови и встревоженный взгляд мужчины, она уверенно и неторопливо продолжила:

- Варвары - воинственный народ, который вел очень примитивный образ жизни, и эта дикость давно просочилась в их кости. С унижением от проигрыша в войне, в дополнение к ненависти из-за подчинения своей нации у них есть глубоко укоренившаяся вражда к народу Великого Чжоу, которую невозможно стереть. Все эти сто тысяч военнопленных - мужчины в расцвете сил. Разве мы не будем напрашиваться на неприятности, если освободим их? Через несколько лет они наверняка вызовут возмущения и война начнется снова! Может быть, Ваше Величество забыли хаос, который произошел в городе Павловния десять лет назад? Несколько тысяч оседлых военнопленных в городе Павловния внезапно взбунтовались и, сотрудничая с внешними силами, позволили варварам войти в город и убить тысячи горожан, включая их собственных людей и детей. Какими бы свирепыми ни были тигры, но даже они не причиняют вреда своим детенышам. Из этого видно, что варвары от природы безжалостны и не желают становиться цивилизованными. Их нельзя оставлять в живых! - Сказав это, Мэн Санью посмотрела на задумчивое выражение лица мужчины, поджала губы и продолжила: - По отношению к такому бессердечному сброду единственный метод - использовать насилие, чтобы предотвратить насилие, убивать, чтобы предотвратить новые убийства, и основательно внушить страх! Убийство этих ста тысяч военнопленных - серьезный удар по силе варваров. Им будет трудно восстановиться в течение столетия, что избавит граждан нашего Великого Чжоу от горьких потерь из-за войны. Сколько семей будет спасено? Действия отца были также направлены на благо нации. Пусть Ваше Величество проявит понимание!

Если будет война, то, несомненно, будет и резня. Я не святая и не стала бы отчуждаться, испытывать отвращение или даже поносить отца только потому, что его руки были испачканы кровью. Отец был тем, кто дал мне жизнь и вырастил меня. В моем сердце сто тысяч жизней не идут ни в какое сравнение с его жизнью. Разве это неправильно, когда ребенок защищает своих родителей? Я так не думаю.

Император Чжоу'Ву играл с черными волосами Мэн Санью и долго ничего не говорил. Только когда он заметил, что она несколько раз украдкой бросила на него взгляд и блеск в ее глазах, он слабо улыбнулся:

- Хорошо сказано! Как будто твои слова исходили из самого сердца Чжень! Санью может так хорошо видеть общую тенденцию мира, так как же ты не сможешь управлять таким маленьким Внутренним Дворцом? Как ты относишься к тому, чтобы получить печать феникса и завтра же вернуться во дворец Би'Сяо?

Острые глаза Императора, темные и глубокие как ночное небо, казалось, могли видеть самые сокровенные мысли человека. Только в этот момент Мэн Санью заметила, что, защищая отца, она случайно раскрыла свои таланты, которые с большим трудом скрывала. Глядя на удивленное выражение лица мужчины, она поняла, что не может продолжать себя вести глупо, натянуто улыбаясь, ей пришлось согласиться.

Черт, как будто этот человек загнал ее в ловушку!

Явное раздражение женщины, которое она не осмеливалась выразить, и ее бессознательно надутые розовые губы представляли собой невыразимо очаровательную картину. Император Чжоу'Ву широко улыбнулся, крепко взял ее за подбородок и резко прикусил губы.

Поскольку Санью любит одевать на себя маску, то мне остается только целенаправленно расставлять ловушки, чтобы слой за слоем, понемногу их снимать, позволяя ей показать свой истинный темперамент. Это забавный способ понять друг друга, не так ли?

- Чжень немедленно сообщит Вдовствующей императрице. Собирайся и готовься к отъезду завтра утром. - Потерев пальцем следы зубов, которые он оставил, Император Чжоу'Ву ушел с лицом, полным триумфа.

Мэн Санью с колеблющимся выражением лица устремила взгляд на его высокую спину. Она не была дурой и чувствовала заботу этого человека о ней. Однако это чувство было слишком неожиданным, вызывая чувство неловкости.

Забудь об этом, все в порядке, пока ситуация выгодна мне. Почему я должна так много об этом думать? - Она покачала головой и вытащила ранее спрятанную бухгалтерскую книгу.

На следующий день при Императорском дворе количество мемориалов, осуждающих Князя Обороны Мэн, на столе Императора значительно увеличилось. Император Чжоу'Ву взял мемориал, бегло просмотрел его и равнодушно спросил:

- Как вы думаете, что Чжень должен делать с Князем обороны Мэн?

- Этот субъект считает, что Князь Обороны Мэн пренебрегает человеческой жизнью и убивает военнопленных, попирая праведность и благожелательность Великого Чжоу. Более того, у него жестокий темперамент и порочные методы. Он командует миллионной армией, угрожая основанию империи своими достойными достижениями. В будущем не исключено, что он станет большой занозой в боку Императора! - Высказал имперский цензор, его слова были полны критики. Ранее Император намеренно подавлял Князя Обороны Мэн. Цензор чувствовал, что после этой военной кампании репутация Князя Обороны Мэн резко возросла, поэтому он высказался, основываясь на его понимании намерений Императора.

Многие гражданские чиновники выступали один за другим, перечисляя различные обвинения в адрес Князя Обороны Мэн. Среди военных чиновников Мэн Яньчжоу уже давно был зол до такой степени, что его глаза налились кровью, и он громко скрипел зубами. Если бы Ян Цзюньвей не удерживал его, он бы уже давно бросился защищать своего отца.

- Вы все закончили? - После того как все успокоились, с улыбкой на лице, неторопливо заговорил Император Чжоу'Ву. Однако улыбка не коснулась его холодных глаз, заставив сердца нескольких министров, стоявших в первом ряду, забиться от страха и трепета.

- Когда был жив Покойный император, наш Великий Чжоу постоянно конфликтовал с варварами. После этого мы обменялись военнопленными и подписали договор о перемирии. Мы даже послали принцессу заключить брачный союз, чтобы обеспечить мир в пограничных

землях. Однако действительно ли в пограничных землях воцарился мир? Когда это варвары не отступали от своих слов? Они произвольно сжигали, грабили и убивали народ нашего Великого Чжоу. Разве за последние несколько десятилетий они не убили бесчисленное множество граждан Великого Чжоу? Бесполезно относиться к этим жестоким негодьям с добротой и доброжелательностью; единственный способ – истребить их всех! На этот раз действия Князя Оборона Мэн были совершены по приказу Чжень. – Говоря об этом, он остановился и посмотрел на сотни чиновников внизу.

Императорский двор погрузился в мертвую тишину. Те, кто участвовал в импичменте Князя Оборона Мэн, смертельно побледили. Мэн Яньчжоу был ошеломлен и недоверчиво уставился на Императора.

Император Чжоу'Ву хлопнул ладонью по императорскому столу. Мощный звук разнесся по всему залу.

- После нанесения такого серьезного ущерба, варварам будет трудно вернуться в течение следующего столетия. В глазах Чжень цена использования ничтожной сотни тысяч жизней в обмен на сто лет мира Великого Чжоу – ничто! Если у кого-то из вас есть свое мнение, встаньте, и Чжень передаст вам оставшиеся шестьдесят тысяч военнопленных. Если вы можете гарантировать, что они превратятся из зверей в безобидных овец и не будет никаких инцидентов в течение пяти лет, мы огласим Наши грехи миру!

В зале стояла мертвая тишина, и никто не хотел возражать. Восстание в Павловнии все еще было свежо в их памяти. Дикость варваров вызывала дрожь. Любой, у кого есть хоть капля мозгов, знает, что к этой горячей картошке нельзя прикасаться

- Хм! Всегда обсуждая праведность и этику, и Четыре социальные связи, но совершенно не зная даже самых основных понятий национального долга! Какая близорукая группа людей с глазами выше рук! Забирайте свои мемориалы и отправляйтесь домой, чтобы тщательно обдумать, достаточно ли у вас квалификации, чтобы служить придворными чиновниками!

Всегда обсуждая праведность и этику – это китайская идиома, относящаяся к традиционным добродетелям сострадания, долга, приличия и честности. В основном он используется саркастически, когда речь идет о лицемерии

Четыре социальные связи – Четыре Социальные связи / Четыре Кардинальных принципа, которые описывают фундаментальные принципы поведения. Это относится к этике, справедливости, целостности и чести/стыду.

С глазами выше рук – китайская идиома, означающая иметь высокие стандарты, но мало способностей, или быть привередливым, но некомпетентным.

Человек, сидевший на императорском троне, бросил груды мемориалов на землю перед сотнями министров, которые молчали, как цакады зимой.

- Командир Ян, доложите о недавних случаях, которые расследовала Гвардия Вышитой униформы. – Мужчина прислонился к спинке трона и слегка обуздал свою мощную ауру.

- Докладываю Вашему Величеству. В соответствии с законом, преступление клана Шэнь по созданию партийных фракций оказалось правдой, и они были брошены в Имперскую тюрьму в ожидании казни. Обвинение Ло Бинчжуна в том, что он покинул свой пост без разрешения, было проверено, и сейчас он находится в Имперской тюрьме... - Командир Ян вышел из рядов и отдал честь. Его слова о «проверке» и «ожидании казни» заставили сотни чиновников в зале вздрогнуть. - Отвечаю Вашему Величеству. В дополнение к двадцати трем преступлениям Шэнь Чжунляна этот субъект также сообщает о еще одном его преступлении - сговоре с врагами и предательстве нации. Вот вам и доказательство. Ваше Величество, пожалуйста, взгляните. - Ян Цзюньвей закончил еще одной шокирующей новостью, заставившей чиновников, связанных с Великим наставником Шэнь, дрожать и обильно потеть.

Посмотрев на секретные послания в своей руке, Император Чжоу'Ву передал письмо Чан Си и сказал торжественным голосом:

- Пусть все министры посмотрят.

Письма были скреплены личной печатью Великого наставника Шэнь, и их содержание было очень подробным и шокирующим. Там было даже несколько писем с императорской печатью Елухан Вана. В письмах подробно описывается то, как Великий наставник Шэнь причинил вред Князю Оборона Мэн, как он вступил в сговор с Се Чжэнхао, чтобы притвориться побежденным, и как он убивал невинных и уступал города. После того как все чиновники закончили читать, их ладони покрылись холодным потом. Те, кто не имел никаких связей с Великим Наставником Шэнь, в тайне радовались, а те, кто был хоть немного с ним связан, чуть не падали в обморок на месте! Как это могло быть простым преступлением - создание партийных фракций? Чем больше они читали, тем больше понимали, что это преступление - заговор с целью захвата трона!

- Список двадцати четырех преступлений Шэнь Чжунляна уже подтвержден, и он также брошен в Имперскую тюрьму в ожидании казни. Девять степеней родства клана Шэнь должны быть полностью уничтожены, а их семейная собственность конфискована. Это суждение этого чиновника. Пусть Ваше Величество примет окончательное решение. - Представив доказательства, которые были переданы по залу, снова заговорил Ян Цзюньвей.

- Только убийство девяти степеней родства? Этого недостаточно! - Медленно и рассудительно заговорил человек на Императорском троне. - Чжень добавит еще одну, чтобы уничтожить до десяти степеней родства. Пусть за это отвечает Гвардия Вышитой униформы. Сегодняшний суд закончится здесь, расходитесь! - Оставив позади побледневших чиновников, мужчина объявил суд закрытым и удалился.

С момента основания Великого Чжоу уничтожалось только девять степеней родства, не было прецедента уничтожения десяти. Десятая степень родства включала учеников и слуг. Это было равносильно уничтожению любых следов клана Шэнь.

Чиновники растерянно вышли на улицу и, встретив холодный ветер, задрожали. Методы Императора становились все более жестокими и кровавыми, но, глядя на нынешние обстоятельства Великого Чжоу, это не плохо!

Ян Цзюньвей догнал бездушного Мэн Яньчжоу и, желая утешить, похлопал его по плечу.

В конце концов, он был новичком и не испытывал потрясений при Императорском суде. То, что он испугался, было неизбежно.

Мэн Яньчжоу пришел в себя. Свет в его глазах был таким ярким, что Ян Цзюньвей не мог смотреть прямо на него.

- Что у тебя с выражением лица? - Нерешительно спросил он.

- Убить одного человека - преступление. Убить десять тысяч человек - это героизм! Раньше я всегда считал отца великим героем, я не ожидал, что Император был настоящим героем! - Мэн Яньчжоу был так взволнован, что его щеки вспыхнули.

Ее светлость Шуфэй была права! Мозг этого ребенка действительно состоит только из мышц! - Беспомощно подумав, Ян Цзюньвей погладил Мэн Яньчжоу по голове, как собаку. Уголок его рта дернулся.

<http://tl.rulate.ru/book/22823/2040395>